

ЗАЕТОЙЩИНА

Философическая поэма

Сочинение
АЛЕКСАНДРА ЕТОЕВА

ЛЮДИ И КНИГИ
Санкт-Петербург
ММХХ

Дед Етой
встал не с той...

Сергей Носов

Во время наших сказочных путешествий по Русскому Северу, Беломорью, Алтаю с весёлой компанией гениальных моих друзей прилип ко мне заместитель моего фамильного имени – Деда Етой. Придумал его Сергей Носов, писатель, памятниквед, путешественник-автостопщик, личность яркая, бородатая, смешливая и насмешливая. За это ему особая моя благодарность. То есть не было бы Деда Етоя, придуманного писателем Носовым, не было бы той псевдофилософической чепухи, которую с благословения издателей я вам сейчас предлагаю, дорогие мои читатели. А основа всех этих етоевских разностихий – в эпиграфе писателя Носова, предваряющем этот скромный, не претендующий на вечную славу, труд.

* * *

Рассказывал однажды Дед Етой,
как в первый раз случайно встал не с той
и опыт ему этот полюбился.
Не то чтоб дождь пролился золотой,
не то чтоб льнул он к деве молодой
иль костью он в пивной не подавился.
В те дни прочёл он книжку «Вне Земли»,
научно-фантастическую повесть.
В ней не было ни боли, ни любви,
лишь формулы, холодные, как совесть.
Он понял, прочитав её: «О да,
сие не богохульство – богознатство!
Вселенная – чернильная вода,
где бездна звёзд, где вакуума братство,
всё остальное чушь и ерунда,
юродство, безначалие, попса...»
Глядишь в окно, особо с утраца,
а за стеклом жучки и водомерки
всё шастают, как дамы на примерке
у модного московского швеца,
весельчака, жуира, хитреца,
придурка, мудреца и мертвеца,
скрывавшего налоги при проверке.

* * *

Опять Дед Етой встал не с той, спозаранку
со сна посмотрел на родную Фонтанку,
на небо над ней, на полёт сизарей
над трубами красными госпиталей.
И вспомнил Етой настоящее время,
то давнее время, то главное время,
где «я», а не «он», и где «мы» – не «они»,
в какой переулочек трамвай ни сверни.
Фонтанка впадает в Балтийское море,
в Балтийское море, костистое море,
где рыбка-колюшка кусает за хвост...
Трамвай бегут за Египетский мост...
Зачем-то рифмуются «море» и «горе»,
и следом Некрасов – «и хворосту воз».
Я слушаю трепет октябрьских вязов,
мой садик Покровский огнём опалён,
в нём воздух, как в детстве, прозрачен и вязок,
и мне не хватает простуженных связок,
чтоб хрипло сказать: «Я в Маринку влюблён».
Сегодня четверг, завтра пятница, в хоре
недель проходящих не знаешь, всерьёз
ли в сердце рифмуются «горе» и «море»,
и рыбка-колюшка играет с рекою,
и падает в детство Египетский мост?

* * *

О Дед Етой,
ты снова встал не с той,
кривишь губу, завидуешь и злишься.
Взгляни на облако, задумайся, постой –
вот так и ты уйдёшь и растворишься
в крови земной, солёной и простой,
и отпоют тебя стволы и листья,
и дождь прольётся влагой золотой.
А, Дед Етой?
А Дед Етой завидует, ярится,
юродствует, злословит, матерится,
трясёт своей кудлатой бородой.
Ему бы встать бы с той,
но Дед Етой
с неё не встанет принц... принципиально,
как Троцкий, трезво, интернаць... онально:
«Раз встал не с той,
так и встаю не с той!»

* * *

Деду Етою в осеннее утро
прямо в постели, такие дела,
тихо, как тайна, как лодочка, утло
мысль простая однажды пришла:
все умирают, и всё умирает –
звёзды, планеты, жучки, червячки...
Гений родится, горит и сгорает,
в мёртвой руке зажимая очки.
Нужно ли помнить, что жизнь бесконечна,
что, умирая, уходим туда,
где человечье и нечеловечье –
общее дело-работа-беда?
Всё умирает, и все умирают,
но перед тем как уйти – боже мой! –
в игры дурацкие дети играют:
король, королевич, сапожник, портной...

* * *

Дед Етой читает Гёте
сочиненье о природе,
о ленивцах, толстокожих,
о скелетах грызунов
и – точь-в-точь на нас похожих –
о страшилищах из снов.
Шестипозвонковый череп
перепрыгивает через
прошлое несовершенное,
настоящее кошерное
в будущее волшебное –
прыг-попрыг, и был таков,
без балды, без дураков.
Философия природы,
философия свободы,
Дух Святой...
Вы, наверное, поймете,
почему читает Гёте
Дед Етой –
встал не с той.

* * *

Ты, Дед Етой, не сентиментален,
ты видишь мир, как он орбитален,
Богом к вечности присандален,
территориален, пирамидален:
над озером стайки прозрачных мух,
солнце садится в сухой тростник,
тихо, как в храме, стихает звук,
слуха не тронув, не раздражив,
робок и осторожен, как
лёгкий олень в смоляных стволах
(тает у монастырских стен,
стонет по-рыбьи у сходен чёрных
ветра восточного долгий «ах»,
над колокольней крылатый взмах –
стаяка галок, птиц неучёных).

* * *

Раз подумал Дед Етой
по привычке встав не с той:
«Все мы человеки,
все мы чебуреки,
зёрнышки кофейные
и машинки швейные.
Зёрнышко съел червячок,
механизм сточился,
чебуречник на крючок
попался и спился».
Долго-долго Дед Етой
мысли той дивился.
Нет ему бы встать бы с той,
разговор бы был простой,
верёвочкою б вился.

* * *

Когда, случилось, Дед Етой
вставал по правильному – с той,
толчковой, правой, пятипалой,
мохнатой, стреляной, бывалой,
надёжной, крепкою, кривой,
сносившей миллион носков,
в болотах вязшей, знавшей жалость
травы весенней луговой,
сапог последних обветшалость,
то в нём сомненье пробуждалось
и в рассужденье выражалось:
«На свете столько есть вещей,
что нас доводят до смущенья, –
яйцо, где смерть хранил Кощей,
заготовленье овощей
и мысли в слово превращенье...»
На этом ум его темнел,
и сам он словно каменел,
как уголь в нетопленном камине
или минёр, приникший к mine,
с которой сладить не сумел.

* * *

Дед Етой в бега пустился,
Свят-Николе покрестился,
выпил рюмку – чтоб не в грех...
Зимний карандашный бег
голых веток по просторам,
разлинованным узором
деревенек, горок, рек, –
по полям, одетым в снег.
Вдоль чернильного излома
в стылых комьях чернозёма
с ледяным бугром холма –
муравьиная тюрьма.
Думы к дому убегают,
бесы бесятся, пугают,
змеё змеится подо льдом,
подожди весны – взломает
лёд могучим он хребтом...
Дед Етой в бега пустился,
третьи дни не ел, постился,
думы думал, к дому ник,
вёл дневник.
В нём записано на чётной
на странице самой чёткой
под чертой:
«Встал не с той».

* * *

«Дед Етой, ты зачем встал не с той?» –
Голос с неба, как шёпот берёз,
а потом, будто колокол, медь,
будто сонную лунную твердь
будит рёвом ревун луновоз.
Осязаю полуночных гроз
говорливую мутную желть,
то проносится облако ос,
то тигрят полосатая гроздь
в материнскую тычется шерсть.
Ощущаю тяжелой ступней –
словно землю копытами бьют.
Ну откуда он здесь, половец-
кий степной нарастающий гуд?..
Ну зачем, ты скажи мне, зачем
в нашем времени, скачущем врозь,
эта мутная жёлтая темь,
эта ось, уходящая вкось
через плоть, через сердце – зачем?
«Дед Етой, ты зачем встал не с той?»
Дед молчит, нет ответа, тоска,
мрак и морока крепкий настой,
гробовая из тёса доска.

* * *

Дед Етой, воротясь с огородов,
где копал прошлогодний турнепс,
возгласил: «Ненавижу уродов,
тупо верящих в братство народов! –
(хоть был сам инородец и вепс). –
Вот вы верите в это вот братство,
в справедливость всей этой мотни?
А ведь шило куда ни воткни,
всюду братья друг другу бьют хари
и на улице, и на базаре,
и на солнышке, и в тени.
Чернопузые гробят белых,
те, кто смелые, – те несмелых.
Слышь, стреляют? Башку пригни».
Дед Етой задумался, темя
почесал, а трудное время
над его головой текло,
как расплавленное стекло.

* * *

Дед Етой, хлебнувши квасу,
встал, естественно, не с той.
Вот несёт он тела массу
на ближайший стул пустой.
Сел. Упёр в колено локоть,
приложил ладонь ко лбу.
Ждёт, когда же мысли ноготь
прочертит черту в гробу
черепного небоскрёба,
где не небо, а где нёбо,
всё в морщинах, всё в делах,
добрый, смилуйся, Аллах!
Не дождался и скорее
на коленке написал:
«Пункт один: пришли евреи,
мир стал лучше и мудрее.
Пункт второй: ушли евреи,
появились брадобреи –
рынок, очередь, вокзал...»
Сам не понял, что сказал.

* * *

Прилично ли Деду Етою,
привычно не вставшему с той,
седою трясти бородою,
как резвый козёл молодой?
Трястись в зачарованных дрожках,
дрожащих, как Бродский И. А.,
Галчинского перевёдший,
печальный, как ослик Иа.
Такая дорога удобна,
где тяжкая ноша легка,
где хлебное поле съедобно,
где рыбная речка сладка.
Где леса покой не тревожен,
где овцы с волками дружны,
где встречный, как ветер, не сложен,
где Бог, и Ему мы нужны.

* * *

Дед Етой сидит на стуле,
сын напротив, в пол глаза.
Дед встаёт, не с той, в натуре,
в голосе его гроза.
«Кто сегодня суп грибной
ел из ямы выгребной?»
Кто окурок из плевательницы
кинул в лоб преподавательницы?»
Кто уже в который раз
смыл котёнка в унитаз?»
Сын молчит, а что сказать?
«Весь в отца», – сказала мать.

* * *

Вставши не с той в нетрезвости,
в хмурости, неизвестности,
в стылой чужой квартире
с дырками на гардине,
тужится Дед Етой.
Кто-то скребётся в ухе.
Где телефон, где брюки?
Сартр, синие мухи
тешат синие брюхи –
экзистенциализм
горше, чем коммунизм.
Понюхал шампунь от перхоти,
лёг, как паша́, на бархате...
Думал, меня отвергнете.
Думал, слюною харкнете.
Вы же мне сразу: миленький!
Приняли меня, приняли.
Леди Мадонна? Ху?
Влажные ваши линии,
умные, словно пинии,
на греческом берегу.
А горлинка ионическая,
глухая, как смерть клиническая,
тихо ему: «Гу-гу».

* * *

У Деда у Етоя,
вставшего не с той,
на любое слово
есть ответ простой.
Щурясь и балдея,
посмотрел в бинокль он
и в стекле пустом
увидел, как на жёрдочке
синицы сидели,
жёлтые, как жёлуди,
синие, как сон.
На него глядели,
улыбался он.
Прибежали кошки,
Гришка и Наташка,
и синицы жёлтые
с жёрдочки слетели.
С жёрдочки слетели,
улетели в рошу –
посидели, улетели,
что быть может прощя?
Кошки рассердились,
Наташка засмеялась,
Гришка матерно молчал,
чтоб мамка не ругалась.

* * *

Дед Етой, конечно, встал не с той.
А с какой ещё вставать Етою?
Был бы он, как сокол золотой,
как татарин с сабелькой кривой,
чтобы кони за его спиною,
вот тогда бы точно встал бы с той.
«Столько здесь всего красивого осталось,
что не вмещаются ни слово, ни усталость,
ни гнев богов, ни хохот дьявола, ни бесы,
с которыми я запросто знаком,
у нас простые с ними интересы:
раз – интернет, два-с – ни о чём и ни о ком.
Прощаться сложно, но куда тут денешься,
простишься с телом, наголо разденешься,
душа – туда, а тело – не туда,
ватерклозет, отхожая вода...
Душа же, душенька, душицы раз отведав,
той, что в блаженных пажитях цветёт,
нажмёт на кнопку отводов и ответов
и заведёт мотор, и за гору уйдёт
в блаженство рек, в цветенье роз и лилий,
и что бы вы, друзья, ни говорили,
я не поверю ни за что, что... Что?..
Что чтоканье бессвязное, кружение
от слова к слову, музыки брожение,
словесный мёд, вселенское ничто

не вяжет, не томит, не восхищает
божественное сердце, что прощает
и страх, и грех, и что, и что, и что?»
Прав Дед Етой? Скажите мне, ответьте,
не важно, встал он с той или не с той, –
на берегах бессмертия и смерти
прав Дед Етой?

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА